

Рогачева // Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры: сб. ст. / отв. ред. А.М. Корокотина. – Вып. 6. – Тюмень, 2005. – С. 79-86.

Русская литература XX века: Школы. Направления. Методы творческой работы : учеб. для студ. вузов / науч. ред. С.И. Тимина. – СПб. : Logos; М. : Высшая школа, 2002. – 585 с.

ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В ЛИРОЭПИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ А.С. ПУШКИНА «АНДЖЕЛО»

А.В. Корзникова

*Научный руководитель: О.Н. Турышева,
доктор филологических наук, доцент (УрФУ)*

Если следовать теории С.Н. Бройтмана о происхождении неосинкретичных жанров, то можно сказать, что «прорыв канона» в жанровой системе связан с ориентацией не только на один строго заданный жанр, но и на другие жанры. «Те образцы, от которых ведет свой отсчет современная поэма, также отличаются жанровой модальностью. В направлении той же жанровой (и даже родовой) модальности действуют и деканонизирующие силы, стремящиеся «романизировать» поэму. Романизацию лироэпической поэмы принято связывать с тем, что герой ее теряет свой эпико-героический статус и становится *частным человеком*» [Теория литературы 2004: 324-325]. Собственно, вместо «события национальной и исторической важности, с обширным эпическим сюжетом, богатым действующими лицами и эпизодами», «рассказывается отдельный случай из жизни частного лица. Повествование сосредоточено вокруг одного героя и одного события его внутренней жизни: обыкновенно событие это – любовь» [цит. по: Теория литературы 2004: 325].

Поэма А.С. Пушкина «Анджело» (1833) имеет лироэпическую основу. При этом ее «композиционная структура» [Лотман 1992: 238] обладает интереснейшими особенностями. Речь идет прежде всего о таком малоисследованном явлении, как **драматургический элемент** поэмы. Его образуют диалоги действующих лиц, которые сопровождаются ремарками и оформлены традиционным для драмы способом. Следует уточнить, что драматургические элементы в «Анджело» воспринимаются нами как **драма для чтения** (нем. Lesedrama) – «литературное произведение, имеющее характерные приметы драматического рода, но предназначенное прежде всего для чтения» [Литературная энциклопедия 2001: 248].

В поэме Пушкина «Анджело» (1833) мы наблюдаем двупланность в изображении событий. В ней можно выделить две событийные линии: политическую и частную. События, связанные с политической

деятельностью действующих лиц, освещаются преимущественно в эпическом ключе, для изображения частных же конфликтов выбран драматический способ.

Правитель страны Дук мистифицирует свое удаление из страны и передает все полномочия Анджело – для того, «чтоб новый властелин расправой новой мог/ Порядок вдруг завести и был бы крут и строг» [Пушкин 1986: 123]. Гнев нового правителя обращается на Клавдио, которого он за прелюбодеяние решает покарать смертью. Сестра Клавдио Изабела просит Анджело о помиловании брата. Не сразу, но во время второй встречи с Изабелой Анджело отвечает согласием помиловать ее брата – с тем условием, что она будет принадлежать ему. Изабела, собиравшаяся стать монахиней, отказывается и идет с этой вестью к Клавдио. Об этом «грязном» поступке Анджело узнает «предобрый Дук». Возвратившись к власти, Дук разоблачает лицемерного Анджело, но прощает его.

Драматургический элемент в составе поэмы встречается три раза. Перед читателем «воочию» разворачиваются три диалога. Первые два диалога происходят между Анджело и Изабелой (Изабела просит Анджело о помиловании ее брата). Третий – между Клавдио и Изабелой (Изабела приносит брату весть о том, что тот будет помилован лишь в том случае, если она сама преступит закон). Обращает на себя внимание то, что место, отведенное драматическому элементу, очень значительно: примерно 30 % от общего количества стихов, т.е. 1/3 текста (около 170 стихов). При этом драматургический элемент размещен в тексте неравномерно.

Обозначения «сцен» у Пушкина условны и связаны, главным образом, со смысловым содержанием фрагмента. Если сравнить строфику «Евгения Онегина» и «Анджело», то в романе видна строго фиксированная строфика, так называемая **онегинская строфа**, – строфа из 14 стихов 4-стопного ямба с рифмовкой AbAb CCdd EffE gg (прописные буквы – женские рифмы, строчные – мужские) [Литературная энциклопедия 2001: 693-694]. В «Анджело» фиксированной строфики нет, вся поэма состоит из трех частей. Первая часть начинается стихами, разбитыми на 13 «отрывков» (со вставкой драматургического элемента в XII «отрывке»), с варьирующимся количеством стихов в каждом «отрывке» (I – 15, II – 6+6, III – 12, IV – 8 и т.д.). Вторая часть разбита на 7 «отрывков». Эта часть имеет несколько драматургических вкраплений. Третья часть состоит из 7 «отрывков», и драматургический элемент в ней отсутствует, т.к. она носит обобщающий характер. В этой части сталкиваются главные персонажи, происходит момент «узнавания», обличение виновного и суд над ним. Такое деление стихов мы, вслед за М.Л. Гаспаровым, предлагаем называть **«субстрофами»** [Гаспаров 1993:

156].

Действующие лица в драматических сценах обмениваются между собой репликами, которые графически оформлены традиционным для драмы способом. При таком оформлении реплики заменяют эпический рассказ, а повествовательно-описательное изображение отсутствует. Цепь реплик действующих лиц создает непрерывную линию. В результате складывается впечатление, что действие разворачивается перед глазами «читателя-зрителя» в настоящем времени. Это одна из самых ярких отличительных черт драмы как рода литературы, так называемое **сценическое время** [Литературная энциклопедия 2001: 242]. На протяжении всех драматических эпизодов время воспроизводимых событий не сжимается и не растягивается: Изабела – Анджело, Анджело – Изабела, Клавдио – Изабела обмениваются репликами без заметных временных интервалов, «сиюминутно»; между тем, *что* изображается, и *читателем* нет посредника-повествователя.

К драматическому способу изображения событий Пушкин прибегает тогда, когда действие достигает своего наивысшего напряжения: 1) Изабела на коленях умоляет Анджело помиловать брата; 2) Изабела должна сделать выбор: жизнь брата или собственная честь; 3) приговоренный к смерти Клавдио выбирает между честью сестры и собственной смертью.

Важно отметить, что драматические сцены, включенные Пушкиным в поэму, во всех трех случаях состоят из диалогов героев. В этих сценах автор не информирует читателя об интерьере, в рамках которого разворачивается действие, об их внешнем виде и т.д. Описание этих и других деталей автор дает нам в «эпическом» повествовании. В драматических сценах автору важно показать накал страстей, столкновение мировоззрений. Ему важно столкнуть героев друг перед другом в их крайностях:

Клавдио
Смерть ужасна!

Изабела
И стыд ужасен. (II, VI)¹

Именно в драматической сцене «Изабела – Клавдио» выясняется, что позиция Клавдио противостоит не только государственному закону Анджело, но и христианскому закону Изабелы. Его позиция основана на «законе природы». Так в трех драматических сценах поэмы сталкиваются три мировоззрения – «государственный закон» (Анджело), «христианский

¹ Далее во всей работе в круглых скобках первая цифра указывает часть в поэме «Анджело», вторая – «субстрофу».

закон» (Изабела), «закон природы» (Клавдио). Острейшие конфликты, возникающие между действующими лицами, олицетворяющие различное видение мира, образуют треугольник и являются смысловой основой «Анджело». Приведем реплики героев, которые наиболее выразительно свидетельствуют об их позиции.

Анджело (Изабеле) (первая драматическая сцена)
 Потворствовать греху есть то же *преступление*,
Карая одного, спасаю многих я. (I, VII)

Выражена позиция Анджело. В его речи важно отметить лексемы, связанные с темой власти и закона.

Изабела (Анджело) (вторая драматическая сцена)
 Бесчестием сестры души он не спасет.
 Брат лучше раз умри, чем *гибнуть мне навечно.* (II, III)

Изабела (Клавдио) (третья драматическая сцена)
 Ты должен умереть; умри же *беспорочно.* (II, VI)

Выражена позиция Изабелы. В ее речи преобладает «возвышенная», «духовная» лексика.

Клавдио (Изабеле) (третья драматическая сцена)
 Друг ты мой! Сестра! *позволь мне жить.*
 Уж если будет грех спасти от смерти брата,
Природа извинит. (II, VI)

Последний отрывок даст нам ключ к позиции Клавдио. В своей речи он опирается на такие лексемы, как «жизнь», «природа».

В драматических сценах дано наиболее значительное выражение мысли о непредсказуемости хода истории и возмездии за совершенные преступления. Можно предположить, что одной из функций драматического элемента является **смыслоконцентрирующая** функция. Именно в драматических сценах поэмы сосредоточились важнейшие смысловые пласты. Второй функцией драматического текста в «Анджело» будет **характероизобразительная**. В «рассказе» о действиях и переживаниях героев их характеры изображены схематично: Пушкин берет за основу эпическое повествование, для которого временные рамки ограничиваются абсолютным эпическим прошлым. А в «живом показе» герои предстают перед читателем как реальные люди с «настоящими» страстями и правдоподобными характерами. Для такого изображения характерно «сценическое время» или незавершенное настоящее.

Итак, драматический элемент в произведениях Пушкина можно поставить в ряд с другими «сильными» позициями текста: заглавием, началом, концом и т.д. [Арнольд 1978: 23].

Контаминация в одном произведении разнородных фрагментов способствует возникновению необыкновенного (для лироэпического

произведения) эффекта – читатель на какое-то время становится «зрителем», «очевидцем» происходящего. Детальное рассмотрение этого элемента в поэме дает возможность глубже объяснить характеры действующих лиц, выделить важнейшие смыслы поэмы.

Список литературы

Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста / И.В. Арнольд // *Иностранные языки в школе.* – 1978. – № 4. – С. 23-31.

Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях: учеб. пособие для вузов / М.Л. Гаспаров. – М.: Высшая школа, 1993. – 272 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М.: НПКи Интелвак, 2001. – 799 с.

Лотман Ю.М. Идейная структура поэмы Пушкина «Анджело» / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. – Т. 2. – Таллинн, 1992. – С. 430-444.

Пушкин А.С. Сочинения : в 3 т. / А.С. Пушкин. – Т. 2 : Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. – М.: Худож. лит., 1986. – 527 с.

Теория литературы : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н.Д. Тмарченко. – Т. 2 : Бройтман С.Н. Историческая поэтика. – М.: Академия, 2004. – 368 с.

Л.М. ЛЕОНОВ И Э.Т.А. ГОФМАН: ОСОБЕННОСТИ СТИЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ВАЛИНА КУКЛА»)

Л.А. Киселева

*Научный руководитель: Г.Г. Исаев,
доктор филологических наук, профессор (АГУ)*

Национальная художественная литература развивается в процессе русско-зарубежных эстетических связей. Большое значение для эволюции словесности имеет рецепция в разнообразных формах творческого наследия классиков мировой литературы.

Роль Э.Т.А. Гофмана в истории русской культуры трудно переоценить. Пожалуй, нельзя назвать другого такого классика иностранной прозы, творчество которого так органично вписалось бы в отечественный контекст, так решительно повлияло бы на вкусы читающей публики многих поколений. Э.Т.А. Гофман щедро одарил русское искусство, вдохновляя и будоража фантазию своих русских коллег – литераторов, музыкантов, художников. Постоянное присутствие этого автора в русской словесности было настолько ощутимым, что он воспринимался не только как современник, но и как соотечественник [Лопатина 2009].

В книге «Ни дня без строчки» Ю.К. Олеша делился своими читательскими наблюдениями: «Гофман необычайно повлиял на